

ГЛАВА 1

Апрель 1192 года. Заиорданье¹. Замок Монреаль

Некогда возведенная крестоносцами в крепости Монреаль церковь уже несколько лет как была превращена в мечеть. Прекрасные выгнутые арки поддерживали ее свод, однако вся христианская символика была старательно стесана, а в нише стены установили михраб², перед которым молились мусульмане — нынешние хозяева бывшего замка крестоносцев.

После чтения аятов из Корана молящиеся совершили поясной поклон и, выпрямившись, вознесли хвалу Аллаху.

— Да услышит Аллах того, кто его восхваляет!

Облаченный в длинные темные одеяния хаджиб³ Абу Хасан благоговейно провел кончиками пальцев по лицу:

— О Аллах всевышний! Нет Бога, кроме тебя! Ты сотворил меня, и я — раб твой!

Абу Хасан молился проникновенно и пылко, не обращая внимания на других пришедших на саят⁴ верующих — воинов-стражей крепости, смотрителя ворот, прислугу, закутанных в покрывала женщин, столпившихся у дверей. Для Абу Хасана молитва значила слишком много: через нее пять раз на день истинно верующий мусульманин укрепляет свою

¹ Заиорданье — со времен крестовых походов название обширных, без определенных границ земель к востоку от реки Иордан.

² Михраб — ниша в стене, указывающая, в какой стороне находится священный город мусульман — Мекка.

³ Хаджиб — высокая чиновничья должность в мусульманских странах в Средние века. В данном случае — правитель крепости.

⁴ Саят — обязательная пятикратная молитва у мусульман.

веру, очищает душу от содеянных грехов, а заодно ограждает себя от будущих прегрешений. О, Аллах велик, и Мухаммад пророк Его!

И все же, несмотря на упоение молитвой, Абу Хасан на мгновение отвлекся, пораженный каким-то совершенно не приличествующим в этом замке звуком — громкой женской песней. Хаджиб замер, повернувшись к выходу. Это все она, женщина-шайтан, пленная христианка, которую ему надлежит охранять, скрывая от всех ее местопребывание! Это она орет на всю округу, распевая то о небесном своде над головой, то о полете птиц, а главное, о том, как ей хочется умчаться на легких волнах ветра туда, где славят Господа те, кто идет по земле со знаком креста на сердце...

Абу Хасан еле сдержался, чтобы тут же не кинуться из мечети и не прервать эту кощунственную песнь. О, эта проклятая назарейка¹! Будь его воля, он бы давно содрал с ее спины кожу кнутом, но его господин, благородный эмир Малик аль-Адиль, брат самого султана Саладина, приказал своему верному хаджибу Монреаля обращаться с пленницей как с нежным цветком, который он решил приберечь для себя. Вот и приходится Абу Хасану терпеть ее выходки, даже ублажать, а недавно он был столь наивен, что по ее просьбе принес лютню, и теперь эта женщина, это порождение джаханнама², вздумала распевать на всю округу! Голос у нее был сильный, звучный, и — упаси Аллах! — его могут услышать даже за пределами замка. Проклять! А ведь именно сейчас у колодцев под горой Монреаля расположился караван торговцев. Не хватало еще, чтобы они ее услышали! Ведь Абу Хасану строжайше приказано, что-

¹ Назарейнами мусульмане называли христиан (от города Назарет, где родился Христос).

² Джаханнам — в мусульманском учении наиболее распространенное название геенны (ада).

бы ни одна душа за пределами крепости не заподозрила, что именно тут содержат пропавшую родственницу проклятого Мелека Рика!¹

Абу Хасан еле дождался окончания салята. Он одним из первых кинулся к выходу и, едва успев сунуть ноги в оставленные перед входом в мечеть шлепанцы, точно угорелый помчался по узким переходам крепости туда, откуда доносилось пение. О Аллах, чего она так орет! Чего голосит? Как же Абу Хасан ненавидел ее пение, как ненавидел ее саму!

Наверху этой обвеваемой солнечным ветром крепости казалось, что голос певуньи льется прямо из поднебесья.

Здесь все чужое, далеки родные лица,
 И лишь холмы унылые в окне.
 Я песню ангелам отправлю вольной птицей —
 Найдите тех, кто помнит обо мне.

Проклятая дочь шайтана! Собака христианская! Взбежав по ступенькам на верхнюю площадку крепостной стены, Абу Хасан в ярости сорвал с головы темную куфию² и бросил ее наземь. У бедуинов это считалось знаком такой ярости, когда можно совершить все, что угодно. Поэтому хаджиб Монре-аля, возникший на площадке крепостных укреплений — с обнаженной обритой головой, бешено вращавшимися глазами, в разлетающейся темной широкой одежде, — был поистине ужасен. От страха прислужницы устроившейся под тентом красавицы с лютней так и кинулись врассыпную, а попытавшийся было загородить Абу Хасану дорогу евнух лишь

¹ Мелек Рик — так мусульмане называли английского короля Ричарда Львиное Сердце.

² Куфия — головной убор в арабских странах в виде длинного полотнища, удерживаемого вокруг головы обвязкой. Служит для защиты головы и лица от солнца, песка или холода.

пискнул, когда тот резко оттолкнул его. И только она, эта проклятая назарейка, спокойно и невозмутимо смотрела на него своими дымчато-лиловыми глазами.

За месяцы, проведенные в плену, англичанка Джоанна де Ринель уже свыклась и со вспышками гнева своего тюремщика, и с его источающим угрозу обликом. Высокий, порывистый, всегда облаченный в черное, с наголо обритой головой, крупным носом и кривой щекой, будто втянутой под скулой внутрь, сильной шеей, очень широкими плечами и поджарым, чуть сутулым телом, бедуин Абу Хасан напоминал хищную птицу — грифа, готового напасть в любой момент. Люди в крепости его боялись, а вот пленница...

Сейчас она удобно расположилась на ковре среди подушек и почти игриво смотрела на своего тюремщика из-под длинных, подкрашенных голубоватой краской ресниц. И при этом продолжала перебирать струны! Ее черные, заплетенные петлями волосы покрывала легкая сиреневая вуаль, полоскавшаяся и звеневшая на ветру серебряными бляшками, а под шелком малинового платья-абайи отчетливо выступал округлый живот. Англичанка была на последнем месяце беременности и, понимая, что сейчас она неприкосновенна и Абу Хасан не смеет ее тронуть, дразнила его!

— Вы так носитесь по переходам Монреаля, почтенный хаджиб, что даже шлепанцы растеряли.

Абу Хасан задыхался, глядя на упрямую назарейку. Как же он ее ненавидел! Поддавшись приступу ярости, он грубо вырвал из рук женщины лютню и со всей силы ударил ею о зубец крепостной стены. Раздался треск, жалобно звякнули струны, разлетелись обломки.

Джоанна де Ринель презрительно скривила подкрашенные кармином губы:

— Как же вам нравится пугать меня, Абу Хасан!

И обратилась к одной из своих прислужниц:

— Даниэла, помогите мне подняться. Я намереваюсь удалиться к себе, пока почтенный хаджиб не начал извергать из себя пламя подобно иблису¹.

Абу Хасан смотрел, как она удаляется, неспешно и невозмутимо, только длинное покрывало развевается, стелясь по ветру. И когда она скрылась, он воздел руки и издал долгий гортанный крик — не то вой, не то рычание. Даже находившийся во внутреннем дворе в клетке охотничий гепард отозвался свирепым рычанием, заметавшись вдоль кованых прутьев.

Увидившая Джоанну армянка Даниэла невольно сжала руку госпожи.

— Ради самой Богородицы, не дерзите этому человеку, мадам! Абу Хасан — безумец, мы обе это знаем. И каковы бы ни были данные ему указания, однажды он может не совладать с собой и сотворит нечто ужасное. А в вашем положении женщина особо уязвима. Подумайте о своем ребенке.

Джоанна провела рукой по обтянутому шелком животу и ощутила мягкий ответный толчок — ее ребенок волновался за маму. У Джоанны навернулись слезы на глаза. О, это дитя! Это все, что у нее осталось...

В длинном покое со сводчатым потолком молодая женщина опустилась возле узкого окна-бойницы. Благодаря мощным стенам замка в помещении царили тень и прохлада, а за окном жаркое солнце высвечивало до ослепительного сияния бесконечную гряду голых холмов, протянувшуюся до самого горизонта. Сколько же Джоанна вглядывалась вдаль, ожидая освобождения! Но только ветер свистел за окном да в положенные часы раздавался крик муэдзина с бывшей колокольни церкви крестоносцев. А Джоанна оставалась пленницей, всеми забытой, никому не нужной,

¹ Иблис — огненный джинн.